

Часть 4. Обновленчество в годы репрессий и Великой Отечественной войны

Содержание:

Обновленчество во время репрессий во второй половине 1920-30-х гг.

«Ликвидация обновленческого раскола в годы Великой Отечественной войны.

Обновленчество во время репрессий во второй половине 1920-30-х гг.

10 декабря 1925 г. был арестован патриарший Местоблюститель митрополит Петр. Он передал должность Местоблюстителя митрополиту Нижегородскому и Арзамасскому Сергию (Страгородскому). Власти не упустили случая для нанесения нового удара по Патриаршей Церкви.

22 декабря произошел так называемый «григорианский раскол». В Даниловском монастыре под председательством архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского) состоялось совещание десяти архиереев, которые высказали недовольство по поводу единоличного управления Церковью митрополитом Петром, который якобы не хотел созывать Собор, и организовали «Временный высший церковный совет» (ВВЦС) в составе шести архиереев под председательством архиепископа Григория.

Этот раскол уже давно готовился властями. Еще за месяц до ареста митрополита Петра комиссия по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от государства при ЦК РКП (б) постановила: «Поручить т. Тучкову ускорить проведение наметившегося раскола среди тихоновцев... В целях поддержки группы, стоящей в оппозиции к Петру (местоблюстителю патриаршества), поместить в «Известиях» ряд статей, компрометирующих Петра, воспользовавшись для этого материалами недавно закончившегося обновленческого собора. Им же поручить просмотреть готовящиеся

Обновленческое движение в Русской Православной Церкви (с начала XX века до 1943 года).
Георгий Бабаян. Источник: <http://sdsmp.ru/> Часть 4: Обновленчество в годы репрессий и Великой Отечественной войны.

оппозиционной группой декларации против Петра. Одновременно с опубликованием статей поручить ОГПУ начать против Петра следствие»[1].

Вслед за этим последовала череда новых арестов, в результате которых число Местоблюстителей и их Заместителей возросло до 13 человек.

В такой ситуации 27 марта 1927 года митрополит Сергей, после ареста снова вступивший в управление Патриаршей церковью на правах заместителя Патриаршего местоблюстителя, согласился с предложенным планом «легализации», допускавшим контроль государственных органов над важнейшими сторонами церковной жизни. Для многих верующих и представителей духовенства такая позиция, несмотря на ее оправданность, оказалась неприемлемой. В конце 1927-го — начале 1928-го гг. произошли «викторианский», «иосифлянский» и другие расколы[2].

Начиная с 1928-29 гг. пошла волна массовых гонений и репрессий против всех течений Русской Православной Церкви. Курс политики по отношению к религиозным организациям существенно изменился. Период относительно спокойного отношения к ним сменился полосой нетерпимости. Это было результатом принятия общего курса руководящей группы ЦК РКП (б) во главе с Генсеком И. В. Сталиным на свертывание нэпа, насильственную коллективизацию, обострение классовых отношений в городе и деревне. В период ликвидации нэпманов и кулачества власти обрушились и на Церковь, усматривая в ней инструмент эксплуататорских классов.

В принятом в мае 1929 г. на XIV Всероссийском съезде Советов «Обращении ко всем трудящимся...» говорилось, что «Борьба на антирелигиозном фронте есть только один из видов классово-политической борьбы, которую ведет труд против капитала»[3]. 8 апреля 1929 г. выходит постановление ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях», по которому вся жизнь Церкви становилась под контроль государства, запрещалась литературная, общественная, ремесленная, благотворительная деятельность[4].

С 1928 г. в СССР проходит волна массового закрытия храмов «силовым порядком», в том числе и обновленческих. По статистике в 1927 г. по России было закрыто 134 молитвенных здания, в 1928 г. — уже 542, а в 1929 г. — 1000[5]. В 1933-34 гг. власти запретили колокольный звон, с церковей сняли и переплавили почти все колокола. Репрессии главным образом были направлены на духовенство Патриаршей Церкви, но задевали они и подлинных реформаторов-обновленцев, не желавших быть марионетками ГПУ. В 1934 г. был вновь арестован обновленческий архиепископ А. Боярский. Сильно беспокоило власти появление молодых священнослужителей, мечтавших о действительном обновлении и не склонных к компромиссам с органами.

Была свернута обновленческая пропаганда. В 1929 г. прекратились выступления А. Введенского, ему разрешили проповедовать только в одном храме Петра и Павла на Басманной улице. В 1931 г. были закрыты Ленинградский Богословский институт и Московская Духовная академия, перестал выходить «Вестник Священного Синода Российской Православной Церкви»[6].

В начале 30-х гг. обновленцы отказываются даже от уцелевших нововведений. На заседании обновленческого Синода в мае 1932 г. самый горячий защитник реформ признал необходимость «блюсти традиции» Православия, говорил о достоинствах церковнославянского языка. Синод принял решение ввести единообразие богослужения, прекратить использование в нем русского языка, ограничить всякое «творчество» в области церковной жизни, подчинив в этом отношении священников всецело усмотрению архиерея[7].

В это же время Патриаршая Церковь начинает вводить некоторые новшества. В постановлении митрополита Сергия от 30 октября 1929 г. допускалось совершение общей исповеди. Позволялось служить в храме при «малом освящении» и на походном антиминсе. Было рекомендовано еженедельное причащение, не порицалось оно и раз в год. 28 мая 1930 г. Патриарший Синод разрешил заочно отпевать умерших по

просьбе близких. Использование русского языка в некоторых моментах богослужения больше не считалось «непреодолимым препятствием». В январе 1931 г. был снижен возрастной ценз для посвящаемых в сан с 40 до 30 лет. В 1934 г. разрешили венчать находившихся ранее в брачных отношениях, не освященных Церковью. Епархиальным архиереям предоставлялось право решать, может ли священник носить штатскую одежду[8]. Таким образом, к этому времени различия между обновленчеством и патриаршей Церковью во многом сошли на нет.

В декабре 1934 г. в Ленинграде был убит секретарь ЦК и Ленинградского обкома и горкома ВКП (б) С. М. Киров. Это было использовано властями для разворачивания крупномасштабной кампании репрессий. Она затронула все слои населения, но особенно пострадали духовенство и верующий народ. Церковь обвиняли в заговоре с зарубежными центрами против Советской власти. Встал вопрос о существовании Православной церкви и религии в стране.

Это гонение коснулось всех, в том числе и обновленцев. В 1935 г. был упразднен обновленческий Священный Синод. К 1938 г. прекратило существование большинство обновленческих епархий[9]. Начались массовые аресты епископата, духовенства, верующих. Своего пика они достигли в 1937 г. Руководил антирелигиозной кампанией нарком внутренних дел Н. И. Ежов. Были арестованы и погибли почти все обновленческие епископы, среди них такие известные, как митрополит Сибирский Петр (Блинов) и митрополит Ивановский Александр (Боярский).

В 1930 г. скончавшегося митрополита Ленинградского Вениамина (Муратовского) сменил митрополит Тульский Виталий (Введенский). Он с 1935 г. сосредоточил в своих руках управление остатками обновленческих приходов[10]. Если в начале 1938 г. еще насчитывалось 49 правящих обновленческих архиереев и 11 пребывающих на покое, то через год в результате гонений их осталась лишь треть, а затем и еще меньше.

В Москве обновленцы стремительно теряли свое влияние. После 1937 г. у них осталось всего семь обновленческих храмов: Воскресенский собор в Сокольниках, Старо-Пименовская церковь и все московские кладбища (Ваганьковское, Дорогомиловское, Пятницкое, Калитниковское и Даниловское) и несколько церквей в пригородах[11].

Пытаясь избежать ареста и гибели, многие обновленцы пошли на отречение от Христа. Самым громким было отречение в январе 1938 г. обновленческого митрополита Николая (Платонова). Он публично заявил в газете «Известия» о снятии сана, отречении от веры в Бога, Церкви и стал сотрудником Музея истории и религии. В ответ на это митрополит Виталий (Введенский) не набрался смелости что-либо сказать, он лишь уволил Платонова с должности. Заведование епархией было поручено протопресвитеру Алексею Абакумову[12].

В 1939 г. обновленческий Первоиерарх Виталий (Введенский) запретил епархиальным архиереям посещение храмов своей епархии, а также рукоположения священников. Правда, митрополит Александр Введенский, невзирая на это распоряжение, продолжал рукополагать ставленников. Их рукополагали без назначения на приход, они работали в гражданских организациях, а когда надо было А. Введенскому составить «массовку», сослужили ему.

С того же 1939 г. обновленческий митрополит Виталий на овдовевшие кафедры никого не назначал. По сути, под давлением властей он вел дело к ликвидации обновленческой церкви. Прекратились все связи с Православным Востоком, к 1941 г. от обновленцев осталась лишь горстка архиереев с одним-тремя храмами в епархиях. Исключение составляли лишь Московская и Средне-Азиатская (имевшие по 6-7), а также Северо-Кавказская и Кубанская (по 10-11 храмов) епархии. В присоединенные к СССР в 1939-1940 гг. западные области правительство уже не пустило обновленцев, там представители этого течения отсутствовали.

Ликвидация обновленческого раскола в годы Великой Отечественной войны.

Годы Великой Отечественной войны стали роковыми для судьбы обновленческого раскола. Хотя в начале войны обновленцы оживились в своей деятельности.

22 июня обновленческий Первоиерарх митрополит Виталий (Введенский) и его заместитель митрополит Александр Введенский выпустили яркое патриотическое воззвание: «Православные христиане! Мы, руководители православных церквей, в час испытаний для нашей великой родины обращаемся ко всем православным христианам. Беспримерное в истории нападение Германии на наше отечество наполняет наши сердца негодованием, справедливым и законным. Все православные иерархи равно охвачены этим чувством. Всегда, во все времена, Церковь защищала родину. Она молитвой и подвигом самоотвержения являла миру свою любовь к родине. Если дорога нам родная мать наша, то дорога и родина наша, где совершаем мы божественные службы, где почивают останки близких наших, где народ строит жизнь на основе правды и добра. Защита родины есть священный долг каждого христианина. Итак — исполняйте его. Братья и сестры! На мать-родину хищный и коварный враг напал. Сплотимся в великое единство и противостанем врагу! Пусть среди нас не будет ни одного равнодушного, трусливого. Пусть каждый из нас будет исполнителем долга и не за страх, а за совесть, как заповедал великий апостол Павел. Да благословит Бог Церковь стать всех нас на защиту родины нашей, да низложит и сокрушит безумного Гитлера, поджигателя мировой бойни. Веруем, что Бог с нами и с нами сила Его»[13]. Лично знавший заместителя Первоиерарха А. Левитин позднее писал, что тот взялся за дело «с необыкновенной энергией»: «Война снова выдвинула его в первые ряды, в эти дни все люди с популярными именами шли в ход»[14].

Вскоре митрополит Виталий, неспособный из-за болезни, возраста и характера проявлять необходимую активность, постепенно отходит от дел. 6 октября он ушел в отпуск и

передал власть своему заместителю — А. Введенскому. 10 октября в заявлении он охарактеризовал свой уход как бессрочный и указал, что все свои полномочия и прерогативы передает Александру Введенскому, назвав его новым титулом — «Святейший и Блаженнейший Первоиерарх Московский и всех Православных Церквей в СССР». Титул был введен без санкции Собора, но все обновленческие епископы его одобрили. 12 октября Александр Введенский в качестве Первоиерарха пишет свое первое патриотическое воззвание[15].

Переломным моментом в жизни обновленческого руководства стала эвакуация высшего духовенства из Москвы. В дни октябрьских боев под Москвой, когда решалась судьба столицы, А. Введенский был вызван в отдел эвакуации Московского городского Совета и там генерал МГБ сообщил ему, что он со своей семьей и митрополит Виталий в ближайшее время будут эвакуированы в Оренбург. «Там, в глубоком тылу, вам будет удобнее управлять Церковью», — вежливо заключил он разговор. На возражения Введенского генерал ответил одним словом: «военная необходимость». На указание невозможности оставить Москву без обновленческого архиерея, генерал предложил хиротонисать молодого архимандрита, настоятеля Воскресенского собора в Сокольниках Сергия (Ларина), связанного с органами госбезопасности[16].

12 октября прошло последнее заседание обновленческого Высшего церковного управления, на котором было принято решение об упразднении ВЦУ и переходе всей полноты власти к Первоиерарху с правом передачи ее по усмотрению любому лицу из иерархии. Было также решено образовать Московское епархиальное управление в составе двух новопоставленных архиереев — епископа Коломенского Анатолия (Филимонова) и епископа Звенигородского Сергия (Ларина), под председательством первого. На последнем заседании был отлучен от Церкви, лишен сана и предан анафеме бывший Ленинградский митрополит Николай (Платонов), в 1938 г. отрекшийся от Бога. Следует отметить, что согласно

свидетельству Левитина, Платонов раскаялся и был принят в молитвенное общение с Патриаршей Церковью[17].

13 октября Первоиерарх митрополит Виталий в одном вагоне с руководителями Московской патриархии, баптистских общин и старообрядческим архиепископом выехали на восток. По просьбе Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия маршрут был изменен: вместо Оренбурга вагон отправили в Ульяновск. Здесь почти два года находилась резиденция главы обновленческой церкви.

Александр Введенский служил в небольшом храме в отдаленном районе Ульяновска. Он был очень честолюбив, и ему хотелось сделать еще один шаг и официально объявить себя Патриархом. 29 октября и 4 ноября 1941 г. он отправил в Московское епархиальное управление письма, подписанные — «Первоиерарх-Патриарх Александр» с указанием поминать его следующим образом: «Великого господина и отца, Святейшего и Блаженнейшего Первоиерарха Александра, Патриарха Московского и православных церквей Богохранимой страны нашей». 4 декабря в Ульяновске состоялась его интронизация в патриарха. Она была совершена без санкции обновленческого епископата и общин. Большинство из духовенства восприняло ее негативно. Московское епархиальное управление также выступило против патриаршества Введенского и не дало разрешения приходам возносить его по новому титулу. Поэтому уже через месяц «интронизации» он был вынужден отказаться от этого сана и оставил за собой титул «первоиерарха» и «митрополита»[18]. В Ульяновске Первоиерарх продолжал активно писать патриотические воззвания.

Обновленцы так же, как и Московская Патриархия собирали пожертвования на нужды фронта. Общую сумму пожертвованных денег установить не удалось. Понятно только, что она составляла несколько десятков миллионов рублей — ленинградцы пожертвовали около 2-х миллионов, еще больше внесли москвичи и т. д.[19]

Весна-лето 1943 г. стали последним периодом относительной стабильности в жизни обновленцев. Как выразился историк А. И. Кузнецов, «на сентябрьском рубеже 1943 года, это слово (обновленчество) теряет смысл даже и для активнейших деятелей обновленчества, и они бегут из этого стана, как мыши с тонущего корабля»[20]. Подтверждение этому можно найти в переписке обновленческих иерархов. Так митрополит Василий (Кожин) сообщал еще в марте митрополиту Виталию (Введенскому): «Не могу не скрыть от Вас того обстоятельства, что издание Московской Патриархией в 1942 году книги «Правда о религии в России» и газетные сообщения о пожертвованиях тихоновских иерархов создали такое впечатление, как будто обновленчество сходит с исторической сцены и потому замечается определенное тяготение среди верующих и духовенства к «сергиевщине»[21]. А в записке архиепископа Анатолия (Синицына) на имя епископа Сергия (Ларина) говорилось: «У нас же в обновленчестве не чувствуется никакого руководства, утрачиваются последние приходы. В Московской области у староцерковников уже 109 приходов, а у нас не больше 9. Убийственное соотношение сил. Архиепископы и епископы у нас вместо назначения на кафедры получают настоятельские места или остаются не у дел. Обновленчество теряет свое лицо»[22].

Внутри самого обновленчества начались упаднические настроения. Ряд обновленческих иерархов начали искать пути спасения, для чего в Ташкенте в резиденции обновленческого епископа Ташкентского и Самаркандского Сергия (Ларина) в начале октября было созвано совещание. В обход Александра Введенского было намечено избрать коллегиальный орган управления Церковью, который должен был начать переговоры с Патриаршей Церковью о возможности воссоединения[23].

Вопрос о судьбе обновленческой церкви стал одним из первых перед Советом по делам Русской Православной Церкви. О дальнейшей судьбе обновленчества и условиях возможного приема обновленческого духовенства в Патриаршую Церковь Г. Г. Карпов поинтересовался во время одной из встреч у Патриарха Сергия. Тот ответил следующее:

Обновленческое движение в Русской Православной Церкви (с начала XX века до 1943 года).
Георгий Бабаян. Источник: <http://sdsmp.ru/> Часть 4: Обновленчество в годы репрессий и Великой Отечественной войны.

«а) женатых митрополитов и епископов, не лишая сана, отстранить от церковной деятельности, оставив за штатом;

б) монашествующих (или вдовых) митрополитов и епископов принять в Патриаршую Церковь, не переводя митрополитов в архиепископы или епископы».

Собрав поступившие в Совет материалы, Карпов в середине октября 1943 г. в докладной записке на имя Сталина, испрашивая его указаний, писал: «Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР, исходя из того, что обновленческое течение сыграло положительную роль на известном этапе и последние годы не имеет уже того значения и базы, и, принимая во внимание патриотические позиции Сергиевской церкви, считает целесообразным не препятствовать распаду обновленческой церкви и переходу обновленческого духовенства и приходов в патриаршую сергиевскую церковь»[24].

Предложение Сталину понравилось. На документе красным карандашом поставлена резолюция: «Т. Карпову. Согласен с Вами. И. Сталин». 16 октября по всем республикам выходит следующее секретное указание: «Совет по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР сообщает для сведения, что в тех случаях, когда обновленческое духовенство по своему желанию переходит из обновленческой ориентации в патриаршую Сергиевскую церковь, препятствовать не следует. Также не следует препятствовать переходу групп верующих или в целом приходов по желанию верующих из обновленческой в Сергиевскую церковь. Условия приема митрополитов, епископов и священников обновленческой ориентации устанавливает патриарх Сергей и на месте его епископат»[25].

Были разработаны правила приема обновленцев. По ним каждый из возвращающихся должен был покаяться перед духовником, указанным правящим архиереем, и отказаться от всех наград, полученных в расколе. Те клирики, которые «усмотрены будут содействующими для воссоединения других и поставленные каноническими архиереями, могут быть

приняты в сущем сане». Но срок покаяния был ограничен — до Пасхи 1944 г. Патриарх говорил о том, что для некоторых из обновленческих деятелей вполне возможным будет сделать «индивидуальные исключения». Единственный, кому не было сделано исключения, был Александр Введенский. Патриарх Сергей высказался определенно: он не может быть принят не только в сане епископа, но и священника, поскольку был трижды женат[26].

Покаяние архиереев проходило, как правило, в зале заседания Синода. Всего принесли покаяние 38 обновленческих архиереев. Принятие рядового духовенства совершалось в алтаре храма. Епархии, особо «пораженные обновленчеством», принимались специально назначаемыми Патриархией для этого епископами[27].

Пришло время отвержения обновленцев не только народом, но и властью, которая ранее поддерживала это движение. Так, когда в апреле 1942 г. Первоиерарх назначил митрополита Корнилия (Попова) на Воронежскую кафедру, последнему отказал облисполком в регистрации, объяснив, что не знают Первоиерарха Александра Введенского и не могут регистрировать посылаемых им лиц, а вот Патриаршего Местоблюстителя Сергея знают и с удовольствием зарегистрируют назначенного им епископа. То же самое произошло и с архиепископом Филаретом (Яценко), назначенным весной 1942 г. в Свердловск[28]. Характерно, что когда Первоиерарх пожертвовал в фонд обороны свою панагию, Сталин в своей благодарственной грамоте обратился к нему, как к частному лицу, назвав по имени и отчеству. Когда в феврале 1943 г., по примеру Московской Патриархии, «для опровержения клеветы фашистов о положении религии в СССР» А. Ф. Шишкин написал книгу «Церковь и государство в России», опубликовать ее отказались — необходимость в обновленческой литературе отпала[29].

Весной 1943 г. началось все нарастающее возвращение обновленческих приходов в Патриаршую Церковь, однако решающий перелом произошел в конце года. Решающими

факторами здесь явились избрание Сергия Патриархом и прием И. Сталиным церковного руководства в Кремле, удовлетворение пожеланий и предложений последнего.

К этому времени политическая ситуация заставила руководство ВКП (б) изменить религиозный курс и нормализовать отношения с Православной Церковью. Причиной тому была совокупность факторов. Это и обращение в ходе войны к русским национальным патриотическим традициям, и стремление нейтрализовать воздействие фашистской пропаганды, представлявшей Германию защитницей христианства в России. Одной из главных причин явились и отношения с союзниками, прежде всего США и Великобританией.

В обновленческой среде все более намечается тенденция к переходу в Патриаршую Церковь. В секретном докладе Карпова И. Сталину от 12 октября 1943 г. указывалось: «В связи с избранием Сергия патриархом Московским и всея Руси, среди духовенства обновленческой церкви отмечается растерянность. Одна часть обновленческого духовенства не видит перспектив сохранения обновленческого течения и высказывает желание перейти в сергиевскую церковь. Со стороны некоторых из них есть даже прямые обращения в Московскую патриархию». В докладе приводились конкретные примеры. Так, архиепископ Тульский Петр (Турбин) прислал митрополиту Николаю (Ярушевичу) телеграмму, в которой приветствовал избрание Патриарха, выражал надежду на соединение и просил принять его в юрисдикцию Патриархии. Заштатный архиепископ Михаил (Постников), проживавший в Москве, в своем обращении к митрополиту Николаю также высказывался за объединение Церквей. А управлявший Московской обновленческой епархией архиепископ Андрей (Расторгуев) даже обратился к настоятелю Патриаршей церкви на Пятницком кладбище с просьбой принять его в качестве второго священника[30].

Обновленческие архиереи сначала не хотели раскаиваться, они надеялись объединиться с Московской Патриархией, создав

общий коллегиальный орган типа Синода, что внешне выглядело бы как соединение двух равноправных течений в Русском Православии. Однако эти надежды не сбылись. Был слишком большой перевес на стороне Патриаршей Церкви: все больше обновленческих священников переходило в Московский Патриархат. К тому же, Патриарх Сергей неукоснительно держался жесткой позиции принятия обновленцев только через покаяние.

Вскоре Введенский возвращается в Москву и вступает в управление Московской епархией, состоявшей из 9 приходов. В феврале 1944 он пришел в Совет на встречу с Карповым и поставил вопрос о предоставлении ему одного из недействующих в Москве храмов или возвращении Воскресенского храма в Сокольниках, о перемещении епископов и назначении новых епископов на обновленческие кафедры. Ответ Карпова был следующий: культовые здания передаются по просьбам верующих, а таковых от обновленческих общин не поступало, а назначение епископов в регионы СССР, где нет действующих обновленческих общин, недопустимо[31]. Введенский поставил еще вопрос о передачи обновленческой церкви в ведение Совета по делам религиозных культов, что фактически узаконило бы ее как полностью независимую организацию. Но Первоиерарху без каких-либо оснований отказали в просьбе, и обновленцы оставались в ведении Совета по делам Русской Православной Церкви[32].

В декабре у А. Введенского родилась дочь, и он взял отпуск для поездки в Ульяновск к семье с правом возвращения в Москву. Однако в течение 10 дней ему не разрешали обратный выезд в столицу. За эти дни в юрисдикцию Патриарха перешли 6 из 7 обновленческих московских храмов, 21 декабря — архиепископ Звенигородский Николай (Расторгуев) со всем причтом кафедрального собора в Сокольниках, 27 декабря был принят мирянином епископ Ташкентский Сергей (Ларин), после чего он был посвящен во епископа Патриаршей Церкви. Введенский посылал телеграммы в Среднюю Азию, но все они остались безответны. Позднее выяснилось, что оттуда шли десятки

писем в Москву и Ульяновск от священников и мирян, но ни одного из них Первоиерарх не получил. Вслед за Средней Азией пали и другие обновленческие цитадели[33].

Особо болезненным ударом для А. Введенского был уход из обновленчества и принятие через покаяние бывшего Первоиерарха обновленческой церкви митрополита Виталия (Введенского), который был большим авторитетом и опорой для обновленцев. Это было болезненно, потому что еще месяц тому назад А. Введенский убеждал Карпова в жизнестойкости обновленческого Пименовского храма в Москве, где служил Виталий и куда к нему на службу стекалось множество народа; он помнил свои слова, что митрополит Виталий «скорее умрет, чем перейдет в Патриаршую Церковь»[34].

Оставшись в полном одиночестве, А. Введенский предпринимает попытки воссоединиться. Патриарх Сергей в письме епископу Александру (Толстопятову) от 20 апреля 1944 г. сообщал: «А. Введенский, по-видимому, собирался совершить нечто грандиозное, или, по крайней мере, громкое. Прислал мне телеграмму: "Друг Друга обьемем!", меня называет представителем религиозного большинства в нашем Православии, а себя — представителем меньшинства. А завершил какой-то арлекинадой, подписался Первоиерархом, доктором богословия и доктором философии. Я ответил: Введенскому А. И. Воистину Христос Воскрес! П. С.»[35].

Первоиерарх служил в единственном оставшемся у него обновленческом храме Москвы св. Пимена вместе с митрополитом Филаретом (Яценко). Последнему вскоре было запрещено служить как незарегистрированному. Храм находился в аварийном состоянии: давно не ремонтировавшийся, с осыпающейся штукатуркой, потускневшей живописью; стены храма от влаги, проникавшей внутрь через протекавшую крышу и смешивающейся с красками, имели красноватый оттенок. Храм нес на себе печать «мерзости запустения»[36].

Перед Поместным Собором в январе 1945 г. А. Введенский пытался получить приглашение на него через Карпова, но

последовал отказ. Не удалось и попытки встретиться с прибывшими в Москву на заседания Собора Восточными Патриархами. После этих тщетных попыток Введенский стал поминать в храме нового Патриарха Алексия, а в июне 1945 написал ему письмо, в котором просил принять в юрисдикцию Московского Патриархата. Начались переговоры. Введенский готов был покаяться с условием, если он останется в сане епископа. В сентябре последовал окончательный ответ — он может быть принят только мирянином и занять место рядового сотрудника «Журнала Московской Патриархии». На что Введенский согласиться не мог[37].

По докладу Карпова одной из важнейших причин упадка обновленчества было «моральное разложение» обновленческого епископата и приходского духовенства. В письме Сталину в августе 1944 г. Карпов сообщал: «Поступают заявления от верующих и духовенства с жалобами на то, что митрополит Александр Введенский и его сыновья совершают службу в храме в пьяном виде, скандалят, сквернословят, дерутся и допускают другие хулиганские выходки, оскорбляющие чувства верующих»[38].

26 июля 1946 г. А. Введенский умер от паралича, а 9 октября того же года была отслужена последняя литургия в Пименовском храме — накануне поступило предписание Совета по делам РПЦ о передаче церкви Патриархии[39].

В 1946 г. обновленчество фактически прекратило свое существование. Остались лишь архиепископ Александр (Щербаков) и митрополит Филарет (Яценко). Первый приезжал из Казахстана в Москву и просил Совет зарегистрировать общину в городе Джамбуле, открыть там молитвенный дом, а его признать главой обновленчества. После многократных отказов он был принят в юрисдикцию Московской Патриархии в сане протоиерея. Митрополит Филарет неоднократно подавал прошения о принятии его в сане епископа, но получал отказы. Оставшись нераскаянным, он до середины 1950-х гг. считал себя заместителем Первоиерарха и продолжателем дела обновленчества, хотя и не имел ни одного прихода[40].

Так закончилась история обновленческого движения, сыгравшего большую роль в истории Русской Церкви. Главной причиной поражения обновленчества была их низкая нравственность, оппозиция и раскол с Патриаршей Церковью, а также дискредитирующая связь с ГПУ. Высшая иерархия этого движения была больше заинтересована в получении земных благ и почестей, нежели в действительном обновлении церковной жизни. Хотя нельзя все движение обвинять в нечистоплотности, среди обновленцев тоже были искренние люди, но они затерялись в общей массе и не смогли помочь прорасти тому положительному зерну, которое было заложено в самой идее обновленчества.

[1] Русская Православная Церковь XX век. — М.: Сретенский монастырь, 2008. — С. 203.

[2] Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 41.

[3] Алексеев В. А. «Правая оппозиция» и борьба с религией // Агитатор. 1989. №5. С. 41; Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 42.

[4] Русская Православная Церковь XX век. — М.: Сретенский монастырь, 2008. — С. 243.

[5] Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2007. — С. 342.

[6] Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 43.

[7] Платонов Н. Ф. Православная Церковь в 1917-1935 гг. // Ежегодник Музея истории, религии и атеизма. Т.

5. — М-Л., 1961. — С. 269; Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. С. 43.

[8] Корзун М. С. Русская Православная Церковь в 1917-1945 гг. Минск, 1987. — С. 86-87; Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. С. 43.

Обновленческое движение в Русской Православной Церкви (с начала XX века до 1943 года).
Георгий Бабаян. Источник: <http://sdsmp.ru/> Часть 4: Обновленчество в годы репрессий и Великой Отечественной войны.

[9] Русская Православная Церковь XX век. — М.: Сретенский монастырь, 2008. — С. 277.

[10] Там же. С. 278

[11] Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. — М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. — С. 619.

[12] Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 45.

[13] Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 46.

[14] Там же. С. 45.

[15] Кузнецов А. И. Обновленческий раскол в Русской Церкви. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2002. — С. 45-50.

[16] Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. — М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. — С. 639-640.

[17] Там же. С. 632.

[18] Козаржевский А. И. А.И. Введенский и обновленческий раскол в Москве // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1989. №1. С. 64; Кузнецов А. И. Обновленческий раскол в Русской Церкви. С. 555-563; Шкаровский М. В. Обновленческое движение в русской Православной Церкви XX века. С. 48.

[19] Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 52.

[20] Кузнецов А. И. Обновленческий раскол в Русской Церкви. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2002. — С. 590.

[21] Там же. С. 585.

[22] Там же. С. 591.

[23] Там же.

Обновленческое движение в Русской Православной Церкви (с начала XX века до 1943 года).
Георгий Бабаян. Источник: <http://sdsmp.ru/> Часть 4: Обновленчество в годы репрессий и Великой Отечественной войны.

[24] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 3. Л. 7-8; Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны. Государство и религиозные организации в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. — М.: Российское объединение исследователей религии, 2005. — С. 323.

[25] ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 4. Л. 5-10; Там же. С. 149-150.

[26] Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны. Государство и религиозные организации в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. — М.: Российское объединение исследователей религии, 2005. — С. 151.

[27] Там же.

[28] Кузнецов А. И. Обновленческий раскол в Русской Церкви. С. 581; Шкаровский М. В. Обновленческое движение в русской Православной Церкви XX века. С. 53.

[29] ЦГА СПб. Ф. 4769. Оп. 3. Д. 188. Л. 4, 20-21; Шкаровский М. В. Обновленческое движение в русской Православной Церкви XX века. С. 53.

[30] Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 54.

[31] ГАРФ. Ф. Р.- 6991. Оп. 1. Д. 4. Л. 22; Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны. С. 342-343.

[32] Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 55.

[33] Там же. С. 57.

[34] Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны. Государство и религиозные организации в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. — М.: Российское объединение исследователей религии, 2005. — С. 154.

[35] Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 59.

[36] Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны. Государство и религиозные организации в годы Великой Отечественной

Обновленческое движение в Русской Православной Церкви (с начала XX века до 1943 года).
Георгий Бабаян. Источник: <http://sdsmp.ru/> Часть 4: Обновленчество в годы репрессий и Великой Отечественной войны.

войны. 1941-1945. — М.: Российское объединение исследователей религии, 2005. — С. 154-155.

[37] Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 60.

[38] ГАРФ. Ф. Р.– 6991. Оп. 1. Д. 3. Л. 137-139; Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны. С. 372.

[39] Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. — М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. — С. 657.

[40] Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 60.